

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Мифологические нарративы о Великой Отечественной войне

История России XX в. наполнена трагическими событиями, которые унесли жизни миллионов людей и коснулись каждой семьи. Первая половина столетия ознаменовалась тремя революциями, гражданской войной, коллективизацией, репрессиями, двумя мировыми войнами, сменой государственной идеологии, богоборческой политикой, ломкой традиций. Были разрушены привычные способы психологической адаптации принятия горя, связанные с верой и религиозными ритуалами, которые в традиционном обществе помогают нивелировать стресс. Все эти обстоятельства формировали тревожный психоэмоциональный фон, стали триггером определенных иллюзий. Признаки надвигающейся войны люди видели в разнообразных знаках и символах, которые считывали в особенных природных явлениях, иллюзорных видениях. К таким знакам относили необычные сновидения, нетипичное поведение животных и птиц, поваленный лес, «плачущие» деревья, милоначные иконы, небесные знамения. Большое число нарративов посвящено мифологическим персонажам – загадочным людям в белой или черной одежде, которые своим появлением предсказывали беду. Женщину в белом отождествляли с Богородицей, русалкой или со смертью. Знаки, которые считали признаками грядущей войны, наблюдали на небе в виде огненных столбов, всполохов, огненного креста, силуэтов коней и других символов. Мифологические нарративы военного времени повествуют о чудесных апотропеях – текстах молитв, иконках, фотографиях, письмах из дома. Их наделяли сакральными свойствами и верили, что они спасают бойцов на фронте. Другие сюжеты рассказывают о знаках и видениях, по которым в тылу узнавали о гибели родных. Таким образом, жизнь в постоянной тревоге актуализировала мифологические представления, которые в традиционной культуре проецировались на демонологических и народно-христианских персонажей, возрождались связанные с ними сюжеты и символы.

Ключевые слова: символ, война, мифология, небесные знамения, видения, страх, тревога, пророчество.

O.V. Golubkova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Mythological Narratives about the Great Patriotic War

The history of Russia in the 20th century was filled with tragic events which took the lives of millions and affected every family. Three revolutions, civil war, collectivization, repressions, two world wars, changes in state ideology and struggle against religion created a sense of anxiety among the people. Usual ways of psychological adaptation to grief, associated with faith and religious rituals, which would help people to alleviate stress in a traditional society, were destroyed. These circumstances created an alarming psycho-emotional background and triggered some illusions. In the 1930s, sensing the approaching war, people would see various signs which they considered prophetic, including unusual dreams, strange animal and bird behavior, “crying” trees, myrrh-streaming icons, and celestial signs. A number of narratives involved mythical characters wearing white or black clothes; they were considered to be prophetic signs of future disasters. A woman wearing white clothing could be identified as the Mother of God, mermaid or death. People saw mysterious signs in the sky, including fire pillars, flashes, fiery crosses, silhouettes of horses, and other symbols. Mythological narratives of the war time tell us about miraculous protective objects such as prayer texts, icons, letters from home, and photographs of loved ones, which were endowed with sacred properties and were believed to save soldiers in the battlefield. Other stories tell us about signs and visions of the relatives back home, through which they learned about the death of soldiers. Thus, life in constant anxiety actualized mythological beliefs and generated fears which were projected to demonic or popular Christian characters, as well as plots and symbols associated with them.

Keywords: symbol, war, mythology, celestial signs, apparition, ghost, fear, anxiety, prophecy.

История России XX в. наполнена трагическими событиями, которые унесли жизни миллионов людей. Горе коснулось каждой семьи. Тревожные ожидания неизбежной беды, которые в первой половине столетия обрушились на людей тремя революциями, гражданской войной, коллективизацией и двумя мировыми войнами, не могли не отразиться на психоэмоциональном фоне и, как следствие, повлияли на мировосприятие, стали триггером определенных иллюзий. Грань между «иллюзорным» и «обыденным» для носителей традиции бывает размыта, ««иллюзорный мир» мифологической нечисти оказывается зеркалом социальной реальности (или наоборот), а зоны их смыкания – своего рода семиотическим окном» [Христофорова, Петров, Малая, 2017, с. 6–7].

В основе крестьянской культуры в России первой половины XX в. значительное место занимало традиционное мировоззрение. Психологическая адаптация человека к необходимости принятия горя и смерти была связана с верой и религиозными ритуалами, помогающими нивелировать стресс и тревогу (в частности, была проведена серия экспериментов, доказавших высокую эффективность ритуалов как способа уменьшения горя от потери близкого человека [Norton, Gino, 2014, p. 266–272]). В 1920–30-е гг. происходила смена государственной идеологии, направленная на искоренение религии: уничтожались храмы, священнослужители всех конфессий подвергались гонениям, а верующие высмеивались и подвергались моральному ostracismu. Сложившаяся в стране после 1917 г. общественная система была органически чужда идее преемственности традиций, происходило «раскрестьянивание» сельского населения, разрушение его духовных ценностей [Кузнецов, 2001, с. 8].

На фоне максимально активной фазы богоборческой политики, коллективизации и репрессий страна приближалась к войне, предчувствие которой «витало в воздухе» (транслировалось СМИ, передавалось по слухам) и укоренилось в коллективном бессознательном. Проживая бесконечное горе, люди ожидали еще большей и страшной беды. Ее приближение они видели в разнообразных знаках и символах, которые считывали в различных нетипичных проявлениях мира природы, во снах и видениях, в реакциях людей на богоборческую политику государства. Однако «актуализированные на рубеже 1930–1940-х гг. “традиционные этнографические темы”, восходившие к дохристианскому и христианскому воззрениям, показали, что партия большевиков, закрепившая за собой монополию на духовную жизнь общества, не успела достигнуть внушительных результатов» [Фурсова, 2017, с. 130]. Согласно полевым материалам автора и его коллег, именно на воспоминания о 1930-х – начале 1940-х гг. приходилось самое большое число сообщений о явлениях и видениях, которые трактовались информантами как предзнаменования страшной кровавой войны.

Большое число нарративов посвящено женщине в белой одежде («белой женщине»), которую встречали на дороге, в селе, на опушке леса. Она внезапно появлялась и также неожиданно исчезала, иногда плакала, в отдельных сообщениях говорила – предупреждала о скором начале войны, о гибели повстречавшего ее человека или его родных. В некоторых случаях ее отождествляли с Богородицей, в других – со смертью. *Перед войной по Чуйскому тракту ходила белая женщина. Кто ее видел, ушли на войну и погибли* (ПМА 1998 г., с. Черный Ануй, Усть-Канский р-н, Республика Алтай). *Ехал шофер ночью по Чуйскому тракту. Вдруг видит – стоит у дороги женщина, вся в белом. Он остановился, говорит ей – садись, подвезу. Она молчит, не идет. Тогда он вышел из кабины, думал, может, помощь нужна, мало ли что случилось. Выходит, а кругом никого нет, покричал – никто не ответил. Он дальше поехал. Проехал сколько-то километров и опять видит эту женщину. Стоит у дороги, рукой ему машет. Тогда он понял, что это не человек. Это смерть была. Приехал домой, рассказал, а на следующий день началась война* (ПМА: там же). *Рассказывали здесь, что перед войной ходила по полям женщина в белой одежде. Говорили, что это сама Богородица. Перед большой бедой она спускается с неба, ходит по земле, плачет* (ПМА 2022 г., д. Изборск, Печорский р-н, Псковская обл.). Женщины в белых одеждах могли появляться группами. Их отождествляли с русалками, которых в данной традиции (переселенцев из Полесья) воспринимали как злых покойников. *В 1941 году в начале лета в полдень прошли по селу три русалки. Прошли через все село по центральной улице, молча шли, и ушли прямо в лес. Люди выбежали, на них смотрят, а никто ничего не может сказать, всех такой ужас объял. Русалки были в белых платьях, лица бледные, а волосы у всех черные, распущенные. Сразу видно, что не живые люди. Через все село прошли, предсказали войну* (ПМА 2018 г., с. Прямское, Маслянинский р-н, Новосибирская обл.). Сюжеты о видениях людей в белых одеждах, которые ассоциировались с пророчеством смерти, войны, известны разным народам. Так, в рассказе, записанном у коми-пермяков, женщина увидела в лесу поле, на котором жали хлеб люди, одетые в белое. *Там де на поле жнут такие большие лошади, и народ весь в белой одежде. Там никакого поля нет, а это ей все показалось. Что-то говорят между собой, я де ничего не понимаю, что говорят. Такое де поле большое. Какое там поле? Никакого поля нет! И потом дядю отравили на войну, и он погиб* (ПМ Т.Г. Голевой 2004 г., с. Коса, Косинский р-н, Пермский край).

В универсальной хроматической традиции белый цвет символизирует свет, сакральную чистоту, души праведников, предков; он же является цветом погребальной одежды и траура во многих культурах. В оппозиции с красным белый ассоциируется со смертью и является частым ее эпитетом [Славянские древности,

1995, с. 153]. Белые одежды характерны для духов, мифологических персонажей, это маркер их невидимости в мире людей. Противопоставленный белому черный цвет обладает однозначно негативной символикой, он связан с несчастьем, мраком, «чужими» темными силами потустороннего мира. Как и белый, он также является цветом смерти и траура. В черных одеждах могут появляться «духи судьбы» [Славянские древности, 2014, с. 513–516]. Мифологических персонажей в черной одежде, которых считали вестниками войны, люди также встречали перед ее началом, однако (согласно ПМА) их видели реже, чем персонажей иного мира в белом. *Перед войной многие видели мужчин и женщин в черном, будто монахи. Они ходили по дорогам, кого повстречают, тому говорили, что скоро будет война* (ПМА 2012 г., д. Плашкино, Новгородский р-н, Новгородская обл.). *Мама перед войной пошла весной рвать колбу в лес. День был пасмурный. Выходит она на поляну, там солнце светит. Вокруг все пасмурно, только над этой поляной солнце. Мама видит – стоит в солнечных лучах молодая женщина в черной рясе. Вся укутана, одно лицо только открытое, а по лицу катятся слезы. Мама испугалась и убежала, забыла про колбу. Дома все рассказала, что видела, а ей свекровь говорит, что это была Богородица в трауре, будет большая беда. В тот год война началась, папу на фронте убили* (ПМА 2009 г., с. Воскресенка, Заринский р-н, Алтайский край).

Знаки, которые считали фатальными и неизбежными признаками приближающейся войны, люди видели на небе в виде огненных столбов, всполохов, огненного креста, силуэтов коней. Так, на небе сошлись две зарницы, видели необычное пятно – голубое и длинное [Подюков, 2004, с. 67]; замечали силуэты на луне: как будто шли отряды, ехали танки, летели самолеты; одна женщина перед войной увидела в небе портреты Ленина и Сталина (ПМ Т.Г. Голевой, Пермский край). *Появился в небе огненный крест. Всем селом его видели. Старые люди сказали, что это знак. Бог показал, что будет война* (ПМА 1999 г., с. Берель, Катон-Карагайский р-н, Восточно-Казахстанская обл., Республика Казахстан). *В мае 1941 года на закате на небе появилось красное облако в виде креста, было страшно смотреть* (ПМА 2012 г., д. Пятница, Новгородский р-н, Новгородская обл.). *Перед войной на небе бывают красные облака, закаты кроваво-красного цвета. Так было перед Великой Отечественной войной. Это знак, что на земле много крови прольется* (ПМА 2019 г., с. Мереть, Сузунский р-н, Новосибирская обл.).

С предзнаменованиями войны также связаны поверья о северном сиянии и световых явлениях во время заката солнца («небо играет», «световые столбы») или о том, что «небо открывается», «небо рыдает». Данное явление наблюдали не только на небе, его отблески видели и на потолке избы. По форме оно напоминало двери, щель, линию, занавес, воронку, радугу, фигуры коней. В отличие от кратковременных

вспышек это явление было чуть более длительным, оно сначала увеличивалось в размере (расширялось), а затем уменьшалось (сужалось) и исчезало. Максимально в одних вариантах оно достигало размера двери, в других охватывало половину неба. В описаниях достаточно часто указывался цвет – красный, алый, желтый, зеленый, черный, также отмечалась игра цветов [Голева, 2012, с. 176]. По полевым материалам Е.Ф. Фурсовой описан случай массового видения в старообрядческой деревне Малая Бобровка Сузунского р-на Новосибирской обл.: «Все люди вышли из домов и увидели, что на небе поднялись два огненных столба и они были в виде коней – как будто два огненных коня встали на дыбы друг против друга» [Фурсова, 2017, с. 128].

Конь в мифологии ряда народов связан с иным миром и смертью. По археологическим данным конь (наряду с собакой) был главным жертвенным животным при погребении, то есть проводником на «тот свет» [Славянские древности, 2004, с. 590–594]. У коми-пермяков зафиксирован редкий миф о конях – держателях земли. «На трех конях земля держится: черном (вороном), белом (синем) и рыжем (гнедом). Каждый по очереди держит землю. Когда черный конь держит – на земле голод и мор, когда белый – на земле сплошные войны и смерть, когда красный – царит мир, спокойствие и благополучие» [Грибова, 1975, с. 80]. Цветовой код был существен и для славянской традиции, однако значения цветов могли быть иными. *В 1941 году в небе видели красного коня. То ли облака так собрались, то ли еще что. Четко так коня было видно. Конь – плохой знак, недобрый. Когда конь красный, это к пожару или к войне* (ПМА 2012 г., г. Опочка, Псковская обл.).

Ярким признаком надвигающейся беды считались «слезы» мифологических персонажей, мироточащие иконы. *Перед Великой Отечественной войной во многих церквях стали мироточить иконы. Пречистая Дева и святые плакали, лили слезы по тем, кого убьют на войне* (ПМА 2022 г., д. Изборск, Печорский р-н, Псковская обл.). *В 1940-м и 1941-м годах мироточили иконы в разных храмах. Миротекло даже по стене храма (респондент указала на западную стену церкви святого Георгия Победоносца со Взвоза). На наш город во все времена нападали с запада. Святой Георгий Победоносец показал, что с запада снова идут враги, будет война с той стороны* (ПМА 2023 г., г. Псков). *Отец шел поздно вечером, проходил мимо речки. Слышит, кто-то плачет. Подошел, там у воды русалка сидит и плачет. Увидела его и плюхнулась в воду, а потом высунулась и пальцем его поманила к себе. Отец скорей оттуда бежать. А когда началась война, вспомнили этот случай. Русалка-то перед войной плакала. Отец ушел на фронт и погиб. Мама говорила, что русалка его к себе звала, смерть напороочила* (ПМА 2002 г., с. Нижняя Омка, Нижнеомский р-н, Омская обл.).

В мифологических рассказах коми-пермяков перед войной «плакали» хвойные деревья (из них капала

смола), но это увидеть могли только «знающие» (колдуны). У коми-зырян считалось, что войну предвещает множество поваленных деревьев во время бури [Мифология коми, 1999, с. 317]. Традиционное мировоззрение коми соотносит жизнь человека с жизнью дерева, что закономерно для народов, у которых лес осмысливается как один из доминантных символов мифопоэтической картины мира [Шарапов, 2025, с. 34–94]. Взаимосвязь жизни леса и человека отражена в эсхатологических представлениях – как в прошлых, связанных с войной, так и в современных: *Раньше рубили только старые, наиболее пригодные для строительства деревья, и люди умирали только в старости. Потом перед войной, во время лесоповала, стали валить все подряд – сколько в войну погибло и старых, и молодых! А теперь старого леса нет, рубят уже совсем молодой, несозревший лес – вот и умирать стала больше молодежь* (ПМ А.В. Панюкова: д. Синдор, Княжпогостский р-н, Республика Коми). По народным преданиям, которые бытуют у коми-пермяков (в ряде деревень), в прошлом погибли две «заветные» сосны, росшие на кладбище: «как только сосна падала, в стране начиналась война» [Голева и др., 2011, с. 70].

Распространенными поверьями, предвещающими войну, также были представления о чрезмерно большом урожае меда, ягод, грибов («много грибов – будет много гробов»), о преобладании мальчиков среди новорожденных («рождаются солдаты для войны»), а также необычные сны, которые признаются вещими. *«Во сне я видела: открылось бы небо и бог тут. Вот бог и бог есть, стоял. А с той стороны туча идет, черно»* [Голева, 2012, с. 176]. *Во сне я увидела черное солнце, а вокруг него четыре месяца. Месяцы красные, залитые кровью. Вещий был сон, как раз в тот год война началась. Четыре месяца – это четыре года войны* (ПМА 2000 г., с. Верх-Коев, Искитимский р-н, Новосибирская обл.). *В 1941-м году была я еще девчонкой, решила под новый год сон загадать <...> Мне приснился табун лошадей, будто плывут по небу. Вот, с одной стороны плывут белые кони, с другой – черные. И ржали так неприятно, громко. Я проснулась и заболела, так страшно было, плохое предчувствие. В этот год война началась* (ПМА 2012 г., д. Гривы, Опочецкий р-н, Псковская обл.).

Другая группа материалов связана с военным временем. Одни сюжеты повествуют о чудесных апотропеях, спасавших бойцов на фронте. Вторые связаны с жизнью в тылу, которая была наполнена тревогой, страшными предчувствиями и одновременно надеждой, что они не сбудутся.

Когда забирали брата на войну, я для него переписала молитву «Сон Богородицы», она всегда с ним была. Вернулся домой живой, ни одна пуля его не тронула. Так и говорил потом, что это молитва его спасла (ПМА 2000 г., с. Нижний Коев, Искитимский р-н, Новосибирская обл.). *Братик прошел всю войну с мо-*

литвой «Отче наш», ему мама написала и велела каждый день читать. Он наизусть выучил, а листочек с молитвой зашил в полу шинели. Эта молитва его на фронте оберегала (ПМА 2005 г., с. Васисс, Тарский р-н, Омская обл.). *У отца на фронте была маленькая иконка с Николаем Чудотворцем, медный образок. Он всегда его носил за пазухой. Однажды попала пуля прямо в эту иконку и отскочила, а так бы в самое сердце попала. Выходит, сам святой Николай защитил, отца тоже Николаем звали. В семье эту иконку храним как реликвию, на ней след от пули остался. Она сейчас у дочери в Москве, она детям и внукам передаст. Это память от деда и святой оберег* (ПМА 2012 г., д. Пятница, Новгородская обл.). Подобно иконам и молитвам, апотропейными свойствами наделялись письма и фотографии родных людей. *Муж с фронта вернулся, рассказывал, что от писем из дома тепло шло, будто дома побывал. Верил, что любовь родных его сохранила* (ПМА 2012 г., с. Первомайское, Алтайский край). *Папа на фронте мою и мамину фотографию у сердца носил. У кого-то иконки были, а папа говорил, что ему помогла пройти всю войну вера, что его дома ждут. Он ведь знал, что мама его ждала, молилась за него, чтоб живой вернулся* (ПМА 2018 г., с. Тараданово, Сузунский р-н, Новосибирская обл.).

Серия нарративов записана о явлениях демонологических персонажей, предвещавших или сообщавших о гибели родных на фронте. *Шла война, отец воевал на фронте. Вот вечером, темно уже, открывается дверь и в хату заходит женищина в белом платье, в белом платке. Мне тогда было 11 лет, я все хорошо помню. Смотрю на нее и дивлюсь. У нас так не ходят, в белом. Осень была, грязь кругом. А она зашла вся чистая, белая, даже подол не испачкала, как будто летела по воздуху. Постояла минуту молча и нет ее. Я смотрю на дверь, а дверь на крючок закрыта! Я сама закрывала до того, как она зашла. Маму как затрясло, как заплачет, говорит – это смерть приходила! Видно, Мишу убили. Потом принесли похоронку, что отец погиб* (ПМА 2001 г., с. Хапово, Здвинский р-н, Новосибирская обл.). *Во время войны плакал домовый. Проводили отца на фронт и всю ночь слышали, кто-то плачет. Страшно было, мы притихли, притихли. Он плачет рядом, а самого не видно. Потом второй раз через год заплакал, когда отца убили. Мы еще не знали тогда, похоронку принесли через месяц. Мама запомнила число, она сразу поняла, что овдовела, когда домовый заплакал* (ПМА 2002 г., д. Кирсаново, Горьковский р-н, Омская обл.). *В войну у нас в подполе кикимора завелась. Никто не видел, а только слышали. Ночью, как спать ляжем, слышно шаги под полом: тук, тук. Страшно было. Потом слышу, как будто свистит внизу. То ли свистит, то ли плачет. Бабушка старенькая была, я ее спрашиваю: - Ты слышишь? это че? Она говорит: – Слышу, это кикимора у нас плачет, жди беды. На следу-*

ющий день принесли похоронку, брата убили. Мужики все на фронте были. Потом еще два раза слышали. А следом похоронки приносили (ПМА 2009 г., с. Зыряновка, Заринский р-н, Алтайский край). Отца забрали на фронт и убили, мама тосковала. Отец пришел в дом, прошел весь дом кругом. Мама ему: – Кудысь? и перекрестила дом. С печки спустилась холодная нога. Больше не приходил после этого (ПМА: там же). Известны истории, в которых домовый сообщал жене о гибели мужа на фронте звуком, напоминающим хрип умирающего животного («харчит как животину колят») или появляясь в виде зайца, белки [Мифологические рассказы, 1987, с. 70–74].

Таким образом, мифологические представления и связанные с ними иллюзии интенсивно актуализировались, когда жизнь людей была наполнена страшными событиями, наиболее ужасное из которых – война. Страх и тревога в традиционной культуре проецировались на персонажей демонологии и народного христианства, сюжеты и символы, известные по мифологическим рассказам. Мистические истории соответствовали эсхатологическим ожиданиям.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0011 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика». Благодаря моим коллег – Т.Г. Голеву (вед. науч. сотр. ИРО ПК) и А.В. Панюкова (вед. науч. сотр. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН) за разрешение воспользоваться их полевыми материалами.

Список литературы

Голева Т.Г. Мифологические рассказы и поверья коми-пермяков о небесных явлениях // Фольклористика и культурная антропология сегодня. – 2012. – М.: Изд-во Рос. гос. гум. ун-та, 2012. – С. 172–178.

Голева Т.Г., Подюков И.А., Пономарева Л.Г., Черных А.В. Лупинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник. – Пермь: ИД Тип. купца Тарасова, 2011. – 142 с.

Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. – М.: Наука, 1975. – 148 с.

Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2001. – 235 с.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. – Новосибирск: Наука, 1987. – 400 с.

Мифология коми / под ред. А.-Л. Сиикала, В.В. Напольских, М. Хоппал; рук. авт. кол. Н.Д. Конаков. – М.: Сыктывкар: ДИК, 1999. – 480 с.

Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. – Т. 1: А–Г. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 576 с.; – т. 3: К–П. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 693 с.; – т. 5: С–Я. – М.: Междунар. отношения, 2014. – 732 с.

Подюков И.А. Карагайская сторона. Народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2004. – 320 с.

Фурсова Е.Ф. Чудесные видения / знамения накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер.: История. – 2017. – № 49. – С. 128–131.

Христофорова О.Б., Петров Н.В., Малая Е.К. Грани и границы иллюзорных миров // Иллюзорные миры и медиумические практики в пространстве культуры – М.: ИД Дело, 2017. – С. 6–9.

Шарапов В.Э. Традиционное мировоззрение в обрядах и фольклоре современных коми. – Ижевск: Изд-во Инст. комп. исслед., 2025. – 232 с.

Norton M.I., Gino F. Rituals alleviate grieving for loved ones, lovers, and lotteries // J. of Experimental Psychology: General. – 2014. – Vol. 143 (1). – P. 266–272.

References

Fursova E.F. Miraculous visions on the eve of the Great Patriotic War in 1941–1945. *Tomsk State Univ. J. of History*, 2017. Vol. 49. P. 128–131. (In Russ.). – doi:10.17223/19988613/49/23

Goleva T.G. Mifologicheskie rasskazy i pover'ja komi-permyakov o nebesnyh javlenijah. In *Fol'kloristika i kul'turnaja antropologija segodnja*. Moscow: Russian State Univ. for the Human. Press, 2012. P. 172–178. (In Russ.).

Goleva T.G., Podyukov I.A., L.G. Ponomareva L.G., Chernykh A.V. Lup'incy: istorija, kul'tura, jazyk. *Jetnolingvističeskij sbornik*. Perm: Tipografija kupca Tarasova, 2011. 142 p. (In Russ.).

Gribova L.S. Permskij zverinyj stil'. Moscow: Nauka, 1975. 148 p. (In Russ.).

Khristoforova O.B., Petrov N.V., Malaia E.K. Grani i granicy illjuzornyh mirov. In *Illjuzornye miry i mediumicheskie praktiki v prostranstve kul'tury*. Moscow: Delo, 2017. P. 6–9. (In Russ.).

Komi mythology (The Encyclopedia of Uralic Mythologies: Vol. I). Moscow; Syktyvkar: DIK, 1999. 480 p. (In Russ.).

Kuznetsov I.S. Na puti k «velikomu perelomu». Ljudi i nrawy sibirskoj derevni 1920-h gg. (*Psihoistoricheskie očerki*). Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. 235 p. (In Russ.).

Norton M.I., Gino F. Rituals alleviate grieving for loved ones, lovers, and lotteries. *J. of Experimental Psychology: General*, 2014. Vol. 143 (1). P. 266–272.

Podyukov I.A. Karagajskaja storona. Narodnaja tradicija v obrjadnosti, fol'klore i jazyke. Kudymkar: Komi-Perm's Publ., 2004. 320 p. (In Russ.).

Sharapov V.J. Tradicionnoe mirovozzrenie v obrjadah i fol'klore sovremennyh komi. Izhevsk: Institut komp'juternyh issledovanij Press, 2025. 232 p. (In Russ.).

Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vol. Vol. 1: A–G. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995. 576 p.; Vol. 3: K–P. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2004, 693 p.; Vol. 5: S–Ya, Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2014. 732 p. (In Russ.).

Zinovyev V.P. (ed.). Mifologicheskie rasskazy russkogo naselenija Vostochnoj Sibiri. Novosibirsk, 1987. 400 p. (In Russ.).

Голубкова О.В. <https://orcid.org/0000-0002-9936-8555>

Дата сдачи рукописи: 09.09.2025 г.